

Umnokisa

НЕВОЛЬНИЦА И МАГ

18+

ЕЁ СИЛА – ЕГО ОДЕРЖИМОСТЬ. ИХ ЛЮБОВЬ – ЕЁ СВОБОДА.

Umnokisa

Невольница и маг

«Автор»

2026

Umnokisa

Невольница и маг / Umnokisa — «Автор», 2026

В мире, где магия принадлежит мужчинам, женщины-Вместилища рождаются лишь затем, чтобы принимать избыток их разрушительной силы. Сайриэль знает своё предназначение: подчиняться магам, хранить чужую энергию и не распоряжаться своей жизнью. Но однажды она совершает невозможное — не просто поглощает магию, а подчиняет её себе. С этого мгновения Сайриэль становится угрозой порядку, державшему женщин в рабстве веками. За ней начинается охота, а единственным союзником оказывается Кайдан — маг, чьим намерениям она не доверяет. Влечение между ними лишь усложняет борьбу: близость с ним способна подарить Сайриэль свободу или сделать её пленницей ещё более опасной силы. Чтобы выжить, она должна раскрыть природу своего дара, бросить вызов миру мужчин и решить, кому принадлежит её сила — тем, кто привык ею пользоваться, или ей самой. Но в мире, построенном на покорности Вместилищ, первая свободная женщина может стать началом новой эпохи — или погибнуть, не успев её приблизить

© Umnokisa, 2026

© Автор, 2026

Umnokisa

Невольница и маг

Аукцион

Ни я, ни мать не заплакали, когда за мной пришли. Она стояла у окна в своём выцветшем сером платье, слишком широком в плечах, и казалась меньше обычного. Седые нити в тёмной косе особенно хорошо были видны в утреннем свете. Мать поправила ворот моего платья, будто я собиралась на прогулку, а не на аукцион, и разгладила ладонью грубую ткань у ключицы. Её пальцы, красные и потрескавшиеся после прачечной, задержались на мне всего на мгновение. От этого короткого прикосновения стало труднее дышать. Наверное, она хотела сказать что-то ещё, однако охранник уже взял меня за руку. Прощаться долго нам не полагалось.

Пальцы у него были холодные и влажные. Он сжал моё запястье чуть сильнее, чем требовалось, и дёрнул к двери, хотя бежать я не собиралась. Куда? За воротами дома я бывала дважды и оба раза — в сопровождении. Даже дорогу до торгового зала знала хуже, чем расположение кладовых у прежнего хозяина.

— Не бойся, — сказала мать и затянула выбившуюся прядь у меня за ухо. Голос у неё не дрогнул. Только пальцы никак не хотели отпускать.

— Не буду, — пообещала я и заставила себя улыбнуться. Получилось плохо. Мать умела врать не лучше меня, но в тот день мы обе старались изо всех сил.

Вместилища вообще плачут реже обычных женщин. Не потому, что нас воспитывают особенно сурово. Просто слёзы мало помогают, когда твоё тело с рождения принадлежит другому человеку, а будущее зависит от цифры, которую целитель запишет в своей книжке.

Те регулярно осматривали нас, чтобы убедиться в нашем здоровье и предотвратить рождение бастардов-магов. Рожать детей нам позволялось только от одобренных мужчин — никакой романтики, только строгая селекция.

У самой двери охранник остановился и, не разжимая пальцев на моём запястье, передал приказ хозяина: — Если девчонку продадут дороже ожидаемого, её матери позволят неделю не работать в прачечной. — Он сообщил это с таким видом, словно прежний хозяин проявил редкую щедрость, а не назначил цену нашему прощанию.

Мать всё-таки отвела взгляд и крепче стиснула руки перед собой. Я же улыбнулась охраннику.

— Тогда постараюсь выглядеть подороже. — Кажется, именно в эту минуту он впервые понял, что я над ним издеваюсь. Пока меня вели к выходу, я чувствовала материнский взгляд между лопаток. Обернуться не позволила себе: боялась, что тогда уже не смогу сделать следующий шаг.

Аукцион устроили в старом зале торговой гильдии — длинном, высоком, с потемневшими фресками под потолком и узкими окнами, через которые закат ложился на пол красными полосами. Под стенами рядами стояли резные кресла; лучшие места занимали маги в шёлковых камзолах, меховых накидках и тяжёлых перстнях. За ними теснились торговцы, посредники и те, кому не хватило денег на кресло, но хватало на женщину. Внутри пахло ладаном, горячим воском и людьми, которые слишком долго сидели в душном помещении. Благовония жгли не из любви к красивым обычаям — ими пытались перебить запах пота и страха.

Нас выстроили вдоль стены на низком деревянном помосте. Девять женщин в одинаковых светлых платьях из небелёного полотна, без украшений, чулок и обуви. Покупатель должен был видеть кожу, волосы, зубы и не отвлекаться на лишнее. Мои волосы стянули в тугую косу,

лицо умыли холодной водой до красноты, а слишком длинный подол подкололи булавкой на бедре. Передо мной стояла высокая рыжая девушка с веснушками на обнажённых плечах. Она не переставая шевелила пальцами, будто считала что-то, известное только ей.

Аукционист ходил вдоль помоста в бордовом сюртуке, влажном под мышками, и перечислял возраст, здоровье, происхождение и предполагаемый объём энергии, который каждая из нас сможет принять после инициации.

— Сайриэль, семнадцать лет, наследственная линия Вместилищ категории М, телесных изъянов не выявлено, — бодро прочитал он с карточки и, ухватив меня за подбородок, повернул лицо к свету. Так торговцы обычно рассказывают о породистых лошадях или новых печках, которые расходуют меньше угля.

Когда он назвал моё имя, я всё-таки дёрнулась и вырвала подбородок из его пальцев. Аукционист недовольно покосился, но продолжил. Когда объявил начальную цену — я едва не рассмеялась. Смех застрял в горле и оказался похож на тошноту.

Цена оказалась оскорбительно низкой. Я понимала, что она ничего не говорит обо мне как о человеке. Жаль, тело об этом не знало: щёки вспыхнули, словно торгующиеся мужчины увидели во мне какой-то особенно постыдный изъян.

Целители предсказали мне слабый потенциал. До инициации оставалось несколько месяцев, и точный предел никто определить не мог, но прежний хозяин решил не рисковать. Если после ритуала выяснится, что я способна принять совсем немного силы, продать меня будет сложнее. Пока же покупателю можно было предложить надежду. Надежда, как выяснилось, стоила чуть дороже меня самой.

Вместилища нужны магам, чтобы забирать избыток энергии. Без нас сила накапливается, ломает тело и со временем сводит их с ума. Передаётся она во время близости — так устроена связь, которую закрепляют инициацией. Маги называют это естественным порядком. Удобное название для порядка, при котором расплачиваться приходится кому-то другому.

Женщин с высоким потенциалом покупали в богатые дома и берегли. Таких, как я, чаще отправляли в дешёвые заведения для людей, мечтающих хотя бы прикоснуться к магии, или отдавали ритуалистам. После их опытов Вместилища иногда жили ещё несколько дней. Слово «иногда» должно было, видимо, утешать.

Первую ставку сделал грузный мужчина в зелёном камзоле с золотой вышивкой по вороту. Он лениво поднял табличку, не отрывая взгляда от моих бёдер. Кожа под этим взглядом будто стала грязной.

— Добавлю десятую часть, если она послушная, — бросил он. Аукционист заверил, что строптивость легко исправляется.

Вторую ставку сделал сухой старик в чёрном, с перстнями на каждом пальце. Он даже не посмотрел на меня, лишь шевельнул двумя пальцами, прибавляя ещё немного. Больше желающих не нашлось.

Аукционист поднял молоток.

— Последнее предложение, господа. Молодая, здоровая, неинициированная. — Я смотрела на его пухлую руку и пыталась решить, кого из двоих предпочесть. Решение не имело никакого значения, но занимало голову и потому было полезным. Пока выбирала, я могла не думать о том, что через минуту один из них получит право делать со мной всё, что захочет.

Молоток не успел опуститься.

Мужчина в дальнем ряду едва заметно поднял руку. До этого он сидел неподвижно, положив ладонь в чёрной перчатке на набалдашник трости. Странно было не то, что аукционист сразу его увидел, а то, что вместе с ним замолчал весь зал.

— Забираю, — произнёс незнакомец, проводя большим пальцем по шву чёрной перчатки. Говорил он негромко, однако переспросить никто не решился. — Господину, чью ставку я перебил, выплатите названную сумму. Столько же получают устроители торгов. — Он положил

ладонь на набалдашник трости и посмотрел на аукциониста. — Надеюсь, этого достаточно, чтобы не продолжать представление.

Мужчина в зелёном камзоле побледнел и стиснул табличку так, что побелели пальцы.

— Разумеется, милорд. — Потом поклонился. Не мне, разумеется.

— Продано! — торопливо объявил аукционист. Он промахнулся по подставке с первого раза и ударил молотком снова, уже громче, будто боялся, что покупатель передумает.

Незнакомец встал. Он был высоким и крепким, хотя двигался без той нарочитой тяжести, которой мужчины любят подчёркивать силу. На нём не было ни орденских знаков, ни драгоценностей, которыми маги обычно обозначали собственную важность: только чёрный сюртук без вышивки, тёмно-серый жилет и серебряная застёжка у горла. Одежда сидела безупречно и стоила, вероятно, дороже всего прежнего хозяйского дома. Седина тронула виски, на резко очерченном лице не отражалось ничего, кроме спокойствия человека, которому здесь никто не мог отказать. Этого оказалось достаточно.

Он подошёл ко мне, и люди расступились ещё до того, как он приблизился. Кто-то за моей спиной прошептал его имя, но я не разобрала. Сердце колотилось так громко, что мешало слушать, и я злилась на него за эту готовность выдать мой страх незнакомому человеку. Вблизи я увидела его глаза — светлые, холодные, почти бесцветные. Такие не обещали ни жестокости, ни доброты. Они вообще ничего не обещали.

Новый хозяин посмотрел сначала на бирку у меня на запястье, потом в лицо. Его взгляд задержался на моих глазах, скользнул по тугой косе и босым ногам. В нём не было ни желания, ни жалости. Он проверял покупку и, кажется, находил в ней именно то, за чем пришёл.

— Господин, её доставят первым же экипажем, — засуетился аукционист, спускаясь с помоста и едва не наступая на полы собственного сюртука. — Мы вымоем, переоденем, подготовим документы...

Маг перевёл на него взгляд. Аукционист осёкся и машинально пригладил мокрые волосы.

— Она поедет со мной, — сказал незнакомец. Затем коротко кивнул лакею, словно вопрос уже был решён до того, как прозвучал.

Возражать никто не стал. Охранник снял с моего запястья верёвку и протянул её лакею нового хозяина. Тот, молодой мужчина в чёрном костюме с узким серебряным кантом, посмотрел на верёвку с недоумением, словно ему предложили вести на привязи взрослого человека.

— Не понадобится, — тихо сказал он и убрал её в карман, чтобы не спорить при господине.

Это неожиданно меня обрадовало. Тут же стало стыдно: меня купили, а я была благодарна уже за то, что новый хозяин не повёл меня на верёвке. Радость была маленькая, глупая и совершенно не соответствовала положению, но другой у меня не нашлось.

Маг развернулся и направился к выходу. Я пошла следом. Он не приказал, зато все вокруг вели себя так, будто приказ прозвучал.

В коридоре было прохладнее. По вытертым каменным плитам тянулись последние полосы закатного света, а вдоль стен висели потемневшие портреты бывших глав гильдии. После духоты торгового зала меня знобило, и грубая ткань платья неприятно тёрла под мышками и на талии. Новый хозяин шагал быстро, полы чёрного сюртука едва двигались, спина оставалась прямой. Он не оглядывался. Видимо, не сомневался, что его собственность никуда не денется. В этом он был прав.

У входа ждала чёрная карета без герба, с матовыми серебряными ручками и плотными занавесками на окнах. В неё были запряжены два создания, похожие на лошадей ровно до тех пор, пока не помотришь внимательнее. Слишком длинные ноги, гладкая блестящая шерсть, узкие неподвижные морды и глаза, светившиеся изнутри бледно-синим. На сбруе вместо бубенцов мерцали небольшие камни, и от их тихого звона ныли зубы.

Я видела искусственную жизнь прежде. Бывший хозяин однажды создал жука, чтобы похвастаться перед гостями. Жук прожил три часа, всё это время бился о стенки стеклянной банки, а потом рассыпался серым песком. Эти существа выглядели устойчивее. И всё равно мне не хотелось стоять рядом с ними.

Лакей открыл дверцу и отступил, придерживая полы строгого мундира. Маг сел первым, положил трость рядом и только после короткого кивка позволил войти мне.

Внутри пахло выделанной кожей, горькими травами и слабым дымом магического светильника. Сиденья обтянули тёмно-синей тканью, на дверцах блестели медные защёлки, а под ногами лежал ковёр такой мягкий, что босые ступни провалились в ворс. Я устроилась на самом краю напротив хозяина, одёрнула коротковатый подол, сложила руки на коленях и велела пальцам не дрожать. Пальцы не послушались.

Карета тронулась.

Некоторое время мы молчали. За окном проплывали дома, фонари и лица прохожих. Я смотрела на них так жадно, что почти прижалась лбом к стеклу, но вовремя вспомнила, где нахожусь.

Я оторвалась от окна и расправила плечи.

— Как мне вас называть? — спросила я. Голос прозвучал громче, чем хотелось, и лакей на козлах, кажется, даже перестал насвистывать.

Маг медленно повернул голову. Его светлые глаза задержались на моём лице, затем опустились к сцепленным пальцам.

— Не пытайся мне льстить, — сказал он и стряхнул невидимую пылинку с манжеты.

Я сначала решила, что ослышалась. Потом стало обидно. Меня только что продали за сумму, которой едва хватило бы на хорошего ездового зверя, а он уже подозревал меня в хитрой игре.

— Я не пытаюсь, — ответила я и разжала руки, пока ногти не оставили следов на ладонях. — Но если вы хотите, чтобы я обращалась к вам «эй, ты», можете не представляться.

Сказала — и тут же пожалела. Мать считала мой язык главным доказательством того, что богам нравится издеваться над людьми: дать дочери невольницы характер и не дать ни одной возможности им воспользоваться.

Маг смотрел на меня несколько долгих мгновений. Я приготовилась к удару, приказу остановить карету или чему-нибудь более изобретательному. Плечи сами напряглись, а подбородок, наоборот, поднялся выше. Если он собирался наказать меня, смотреть в пол я ему не помогу. Лауренн чуть постучал пальцами по трости, будто обдумывал не мою дерзость, а занятную задачу. Но ничего не произошло.

— Лауренн, — наконец произнёс он, чуть склонив голову, как при официальном знакомстве. — Полагаю, остальное тебе известно.

Имён магов при мне старались не называть: хозяин опасался, что женщины начнут сплетничать или, того хуже, думать. Но даже я слышала о Лауренне, главном королевском маге.

Я выпрямилась так резко, что ударилась затылком о стенку кареты. Медная защёлка жалобно звякнула.

Лауренн приподнял бровь. В его лице впервые появилось что-то, кроме равнодушия.

— Теперь известно, — призналась я и, стараясь сохранить достоинство, потёрла ушибленное место.

Король всё ещё носил корону, принимал послов и ставил подпись под законами. Взрослые люди делали вид, что именно он управляет Этернитасом. На деле ни один важный приказ не исполнялся без согласия Ордена, а во главе Ордена стоял мужчина напротив меня.

Лауренн выглядел лет на сорок. Маги старели медленно, поэтому ему с тем же успехом могло быть и семьдесят, и сто. При близком свете стали заметны тонкие морщины у глаз и небольшой шрам над правой бровью. Седина у висков не делала его слабее. Скорее предупре-

ждала, что он прожил достаточно долго, чтобы пережить всех своих врагов. Даже сидя напротив, он будто занимал в тесной карете больше места, чем позволяли размеры тела.

— Но... Почему я? Вы могли купить кого лучше, — спросила я, пока храбрость снова не оставила меня. Чтобы не выдать дрожь, я вцепилась пальцами в край сиденья.

— Что именно тебя удивляет? — Лауренн повернул набалдашник трости ладонью и посмотрел на меня внимательнее.

— За меня предложили жалкую цену. Вы заплатили вдвое и прервали торги. — Я кивнула на его дорогую, но лишённую украшений одежду. — Либо вам нравится тратить деньги столь нелепым образом, либо я вам зачем-то понадобилась.

— И какой ответ ты бы предпочла услышать? — спросил он. Уголок его рта едва заметно дрогнул, словно мой вопрос его не рассердил, а заинтересовал.

— Тот, после которого мне не захочется выпрыгнуть из кареты на полном ходу, полагаю, — сказала я и покосилась на дверцу.

В уголках его губ на мгновение появилось что-то похожее на улыбку. Возможно, мне просто очень хотелось найти на его лице хоть что-нибудь человеческое.

— У тебя будет время узнать, — сказал Лауренн. Он поправил манжету, отвернулся к окну и тем самым закончил разговор.

Ответ не успокоил. Зато подтвердил: он действительно выбрал меня не случайно. От этого по спине прошёл холодок. Случайная покупка могла оказаться прихотью; обдуманная почти наверняка означала планы.

Мы въехали в центр столицы. Я бывала там ребёнком и помнила только высокие тёмные дома, от которых болела шея, если долго смотреть вверх. Теперь город оказался совсем другим — шумным, тёплым, пахнущим выпечкой, специями и пылью. Между строгими каменными фасадами тянулись балконы с зелёными лозами; в окнах горели цветные стёкла, а под арками торговых рядов качались медные фонари. На перекрёстках журчали фонтаны, питаемые подземными реками, и вода в них отражала лиловое небо.

Этернитас построили посреди каменной пустыни над подземными реками. Сначала сюда приходили за драгоценными камнями, потом выяснилось, что те способны удерживать магию, и торговое поселение быстро стало столицей. Люди любят рассказывать эту историю как доказательство собственной предприимчивости. О том, сколько шахтёров погибло в первых магических разработках, обычно не упоминают.

В окнах зажигался свет. Торговцы в длинных жилетах закрывали лавки, подмастерья тащили внутрь корзины с тканями и фруктами. Возле пекарни две женщины — одна в ярко-жёлтой шали, другая в короткой дорожной куртке — спорили из-за последней корзины хлеба. Они размахивали руками, перебивали друг друга, и никто не хватал их за локти, не приказывал опустить глаза, не спрашивал, кому они принадлежат. Я завидовала даже их злости: она принадлежала им так же, как голоса, одежда и дорога под ногами.

Я смотрела, пока карета не свернула на тихую улицу и город не исчез за высокой оградой. Ощущение было такое, будто передо мной на минуту открыли дверь, а затем захлопнули прежде, чем я успела понять, куда она вела.

Дом Лауренна оказался большим, но не показным: три этажа тёмного камня, узкие высокие окна, железная ограда без позолоты и массивная дверь под строгим треугольным фронтоном. Только светящиеся линии защитных знаков вокруг ворот выдавали, кому принадлежит здание. Такой дом не приглашал войти. Он сообщал, что хозяину всё равно, хотите вы этого или нет.

На крыльце нас ждал дворецкий — высокий пожилой мужчина с пенсне, аккуратными седыми усами и острым лицом. Чёрный фрак сидел на нём без единой складки, белые перчатки казались новыми, но плечи заметно опустились от усталости. Если бы меня попросили нари-

совать дворецкого по рассказам из книг, получилось бы именно это. Разве что лицо я сделала бы менее утомлённым жизнью и хозяином.

— Ужин готов, милорд, — сообщил дворецкий и поклонился ровно настолько, насколько требовал этикет. При этом он успел скользнуть по мне быстрым внимательным взглядом.

— Приведите её в порядок и всё объясните, — сказал Лауренн, снимая перчатки. Одну он передал лакею, вторую бросил на серебряный поднос у двери. На меня больше не посмотрел.

После чего ушёл. Моего имени он так и не спросил. Я убеждала себя, что мне всё равно, но имя внезапно стало единственным, что у меня осталось, и его равнодушие задело сильнее, чем должно было.

Дворецкий проводил взглядом хозяина, затем посмотрел на меня. Сначала на босые ноги, потом на дешёвое платье, потом на бирку аукциона, которую никто не снял.

— Ваше имя? — спросил дворецкий. Он снял пенсне, протёр стекло краем платка и снова водрузил на нос, будто хотел убедиться, что бирка аукциона ему не померещилась.

— Сайриэль. — Я одёрнула подол, внезапно слишком хорошо чувствуя босые ступни на холодном мраморе.

— Моё — господин Эльмар. — Он расправил манжеты и сделал знак следовать за ним. — В этом доме к Вместилищам обращаются по имени.

Он произнёс это без торжественности, как одно из правил: не бегать по коридорам, не кричать без необходимости, не трогать серебро голыми руками, называть женщин людьми. Последнее почему-то казалось самым причудливым.

Эльмар повёл меня через главный холл. Чёрно-белые плиты пола блестели, как вода; вдоль стен чередовались тёмные деревянные панели, портреты и узкие зеркала. Под потолком плавали магические светильники в золотых ободах, отбрасывая ровный молочный свет. В доме было слишком чисто и слишком тихо. Всё дорогое, всё на своём месте. Ни одной брошенной книги, забытой чашки или шали на спинке кресла. Будто здесь не жили, а ежедневно готовились к приезду хозяина, который уже находился дома.

Мы прошли здание насквозь и через стеклянную галерею вышли в сад. Там я наконец услышала обычные звуки: шорох листвы, стрёкот насекомых, плеск воды в небольшом круглом фонтане. Дорожки посыпали белым песком, между тёмными деревьями горели низкие лампы, а за живой изгородью стоял отдельный двухэтажный дом с широкими окнами и балконом, оплетённым цветущей лозой.

— Там живут Вместилища господина? — спросила я и замедлила шаг, разглядывая тёплый свет в окнах.

— Да, — ответил Эльмар. Он не обернулся, но пошёл чуть медленнее, позволяя мне не отставать.

— И сколько их? — Я насчитала в окнах три женских силуэта и тут же потеряла один за занавеской.

Эльмар помедлил у калитки и поправил пенсне, хотя оно сидело ровно.

— Достаточно, чтобы вам не было одиноко, — сказал он наконец и открыл передо мной калитку.

Ответ звучал заботливо только на первый взгляд.

Внутри дом оказался светлее хозяйского. Стены выкрашены в тёплый сливочный цвет, на широких подоконниках стояли горшки с травами и цветами. У входа теснились женские туфли — простые кожаные, расшитые бисером, мягкие домашние. На спинке кресла висела зелёная шаль, на столике лежала раскрытая книга, из дальней комнаты доносились смех и звон посуды. Здесь наконец жили. И всё же это оставалось частью владений Лауренна — удобной, хорошо обставленной частью.

Эльмар показал мне комнату на втором этаже. Светлые стены, широкое окно в сад, кровать под синим пологом, шкаф из тёплого дерева, письменный стол и отдельная умывальная

с медным краном. На полу лежал мягкий коврик, а у изголовья горел небольшой магический светильник в матовом стекле. После тесной каморки, которую я делила с матерью, всё выглядело почти неприлично роскошно. Первой мыслью было, как бы она обрадовалась горячей воде рядом с кроватью. Вторая напомнила, что этой комнаты мать никогда не увидит.

Я открыла шкаф. Пусто.

— Вещи принесут утром, — сообщил дворецкий, заметив мой взгляд. Он провёл пальцем по внутренней стороне дверцы, проверяя пыль. — Размер уже передали портнихе. Обувь тоже.

Меня успели измерить взглядом ещё до того, как я вошла в этот дом. Наверное, следовало привыкать, как у главного мага страны всё схвачено.

— Сколько вам лет, Сайриэль? — Эльмар закрыл шкаф и сцепил руки за спиной. Голос его остался ровным, но взгляд стал острее.

— Семнадцать. Через три месяца восемнадцать. — Я постаралась произнести это без оправдания, хотя под его взглядом возраст вдруг показался ещё одним моим недостатком.

Эльмар нахмурился. Совсем немного: тонкая складка легла между бровей и тут же исчезла. Но я заметила.

— Инициации ещё не было? — спросил он тише и снял пенсне, словно этот разговор не предназначался даже стеклу.

— Нет. — Я сжала ткань платья у коленей. — Прежний хозяин решил, что мой потенциал не стоит его внимания.

Эльмар уже открыл рот, чтобы спросить что-то ещё, однако посмотрел на моё лицо и передумал. Он снова надел пенсне.

— Сейчас к вам придёт Аделия, — сказал он и направился к двери. На пороге остановился. — Она всё объяснит лучше меня.

Мужчины удивительно часто считали, что неприятные вещи из женских уст становятся менее неприятными.

Когда дверь за ним закрылась, я села на край кровати и только тогда поняла, как устала. За стеной снова рассмеялись. Кто-то пробежал по коридору, хлопнула дверь, зазвенела посуда. Обычные домашние звуки. От них стало хуже: чужой дом уже жил своей жизнью, а моя прежняя закончилась несколько часов назад и даже не успела со мной попрощаться.

Утром мать разбудит другая женщина. На кухне поставят одну чашку вместо двух. К вечеру мои вещи уберут, потому что каморка понадобится следующей девушке. Прежний дом не был моим, но другого у меня всё равно не было.

Я легла, не снимая платья, и закрыла глаза. Сразу представила Лауренна — не так, как иногда шептались старшие Вместилища, а просто стоящим в дверях и сообщающим, что пришло время. После инициации отказать ему я не смогу. Связь заставит тело принимать его силу, даже если разум будет сопротивляться.

Меня затошнило.

Я села и уставилась в собственные руки. Они всё ещё дрожали.

В дверь постучали, и почти сразу вошла женщина в тёмно-синем платье. Ткань мягко блестела при движении, подчёркивая высокую стройную фигуру; узкий пояс застёгивался пряжкой с чёрным камнем. Тёмные волосы были гладко уложены на затылке, открывая длинную шею, а из украшений она носила только тонкие серьги и гладкое кольцо. Аделия казалась немного старше тридцати, хотя по спокойствию взгляда ей можно было дать вдвое больше. Она двигалась по комнате так, будто та принадлежала ей, хотя мы обе знали, кому здесь принадлежит всё.

— Я Аделия, — представилась она, закрывая за собой дверь. Затем легко коснулась пальцами пряжки на поясе. — Избранное Вместилище Лауренна.

Она произнесла титул спокойно. Избранные получали больше свободы, могли распоряжаться слугами, сопровождать мага на приёмах и иногда даже высказывать мнение. Почти жена, если не вспоминать, что уйти такая жена не может.

— Сайриэль, — ответила я и встала с кровати, хотя ноги после дороги не слишком хотели меня держать.

— Я знаю. Эльмар сообщил. — Аделия оглядела моё платье, босые ноги и сжатые кулаки. Взгляд был внимательным, но не унижительным. — Можно?

Она указала на кресло у стола. Я кивнула, хотя разрешение выглядело формальностью. Аделия всё же дождалась моего кивка и только потом села.

Аделия расправила тёмно-синюю юбку, положила ладони одна на другую и несколько секунд меня рассматривала. Не так, как покупатели на аукционе. Скорее как лекарь, которому предстоит сообщить плохую новость и который решает, насколько подробно объяснять. Её лицо с прямым носом и чётко очерченными губами оставалось спокойным, но в тёмных глазах мелькнула усталость.

— Лауренн сказал, почему выбрал тебя? — спросила она и провела большим пальцем по чёрному камню на пряжке.

— Нет. Он вообще не спросил, как меня зовут. — Я села напротив и спрятала босые ступни под подол.

— Разумеется. — Аделия прикрыла глаза и коротко выдохнула через нос, словно Лауренн в очередной раз подтвердил давно поставленный диагноз.

В этом коротком ответе было столько привычного раздражения, что я впервые немного расслабилась.

Аделия спросила о прежнем хозяине, матери, осмотрах целителей и предсказанном потенциале. Каждый новый вопрос она задавала после короткой паузы, давая мне решить, сколько сказать. Я отвечала кратко. Когда она поинтересовалась, касался ли меня маг, язык едва не прилип к нёбу. Стыд пришёл раньше ответа, хотя стыдиться было нечего — особенно мне.

— Нет. — Я провела пальцем по грубому шву на платье, лишь бы не смотреть на неё. — Он ждал инициации. Потом решил, что без неё я буду стоять чуть больше.

— В данном случае его жадность оказалась полезнее порядочности, — сказала Аделия. Она не отвела глаз и не стала делать вид, будто вопрос был обычным. — Тебе повезло, Сайриэль. Пусть это слово и звучит отвратительно.

Мне не нравилось это слово. Если сегодняшний день считался везением, я не хотела знать, как выглядит обычная судьба.

— Что от меня потребуется? — спросила я. Голос сел, и последние слова пришлось выталкивать. Я выпрямила спину, чтобы хотя бы выглядеть смелее, чем себя чувствовала.

Аделия не стала притворяться, что не поняла. Она подалась вперёд, и складки тёмной юбки зашуршали по ковру.

— После инициации ты будешь принимать избыток его силы, — сказала она. — Передача происходит во время близости. Чем сильнее маг, тем чаще ему требуется Вместилище и тем опаснее нагрузка. — Аделия подняла ладонь, останавливая вопрос, который я ещё не успела задать. — Лауренн умеет контролировать себя, но энергии у него больше, чем у большинства членов Ордена вместе взятых.

— Поэтому вас так много? — Я посмотрела на стену, за которой слышались женские голоса. Теперь смех оттуда казался почти невозможным.

— Поэтому мы живы, — поправила Аделия. Её пальцы на миг сжались на колене. — Одно Вместилище его не выдержит. Даже я.

У меня похолодели ладони. Я спрятала их в складках платья, словно Аделия могла принять дрожь за слабость и сообщить Лауренну, что он выбрал неудачно.

— Но я, по словам целителей, не выдержу почти ничего. — Я раскрыла ладони, показывая, как они дрожат, и впервые не стала прятать их в складках платья. — Возможно, он просто ошибся товаром.

— Лауренн редко ошибается, — ответила Аделия и тут же поморщилась. — Знаю, сейчас это звучит не обнадеживающе. Целители тоже ошибаются. Реже, чем хотелось бы, но ошибаются. Возможно, он увидел что-то на торгах.

— Он посмотрел на бирку и моё лицо. — Я невольно коснулась запястья, где верёвка оставила красный след. — Не самый обстоятельный осмотр.

— Для него этого иногда достаточно. — Аделия заметила след и нахмурилась. Кончиками пальцев она едва коснулась моей кожи, но сразу убрала руку, будто вспомнила, что не получила разрешения.

Не тот ответ, который хотелось услышать. Неопределённость, благодаря которой прежний хозяин сумел меня продать, теперь сидела рядом и смотрела на меня глазами Аделии.

Аделия выпрямилась и положила ладони на колени. Выражение её лица изменилось: мягкость осталась, но теперь под ней чувствовалась привычка отдавать распоряжения.

— Я не стану убеждать тебя, что всё прекрасно. — Она говорила медленно, не позволяя мне спрятаться от смысла за словами. — Ты не выбирала этот дом и не выбирала Лауренна. Но здесь тебя не будут морить голодом, продавать по частям ритуалистам или передавать гостям. У тебя будет своя комната, одежда, занятия и защита. За пределы владений без разрешения выходить нельзя.

— Какой щедрый обмен, — сказала я и провела ладонью по мягкой обивке кресла. — Кров, еда, одежда и право оставаться внутри красивой ограды.

Аделия усмехнулась и откинулась на спинку кресла. Напряжение на мгновение отпустило её лицо.

— Ты мне нравишься. — Она поправила выбившуюся у виска прядь. — Я когда-то сказала почти то же самое. Кажется, даже про ограду.

— И что изменилось? — Я кивнула на её дорогое платье и уверенную позу хозяйки. — Кроме ткани.

— Я перестала тратить силы на ненависть к стенам. Они от этого не падают. — Аделия наклонилась ко мне, и её голос стал тише. — Зато научилась использовать всё, что есть внутри них: знания, связи, деньги Лауренна и его редкие приступы совести.

— То есть смирилась? — спросила я. Слово получилось резче, чем следовало, но забирать его обратно я не собиралась.

— То есть выжила. — Аделия резко расправила плечи. В тёмных глазах впервые блеснул гнев. — Не путай эти вещи, особенно если хочешь дожить до возраста своей матери.

Ответ прозвучал жёстко, но злости в нём не было.

— Я помогу подготовиться к инициации, — продолжила Аделия уже спокойнее. Она разгладила ладонью юбку, словно вместе со складкой убирала вспышку гнева. — Объясню, что будет происходить, как принимать силу и как не позволить ей навредить тебе. Остальное — позже. Сегодня с тебя достаточно.

Я ожидала разговоров о покорности, благодарности и счастье служить великому магу. Вместо этого Аделия говорила о выживании. Пожалуй, это была первая честная вещь, услышанная мной за день.

— Лауренн не станет ждать моего согласия? — спросила я. На этот раз я не отвела глаз.

Аделия посмотрела к окну. За стеклом ветер шевельнул листья, и тени на её лице дрогнули.

— Закон считает твоё согласие данным в момент покупки, — сказала она наконец. Слова прозвучали ровно, но пальцы на подлокотнике побелели. — Лауренн того же мнения, хоть и с оговорками.

Слово «данным» ударило сильнее, чем я ожидала. Будто вместе с деньгами аукционист передал Лауренну не только моё тело, но и все будущие ответы. Я стиснула пальцы.

— Я спрашивала не о законе, Аделия.

Аделия снова посмотрела на меня. Теперь в её лице не было ни власти, ни спокойной доброжелательности — только усталость женщины, которой когда-то пришлось задать тот же вопрос.

— Он не любит принуждение, — ответила она. — Но не путай нелюбовь с запретом. Когда избыток силы становится опасен, у мага остаётся мало выбора. — Аделия провела ногтем по деревянному подлокотнику. — А у нас — ещё меньше.

Мне захотелось попросить её уйти, забраться под одеяло и хотя бы несколько минут не знать, что однажды моё «нет» окажется менее важным, чем чужая боль. Вместо этого я спросила:

— Вы его любите? — спросила я. Вопрос вырвался прежде, чем я успела решить, имею ли право его задавать.

Аделия улыбнулась одним уголком губ, покрутила кольцо на пальце и ответила не сразу.

— Иногда. — Она поднялась и оправила пояс. — В другие дни я его терпеть не могу. Это тоже не противоречит любви.

Аделия поднялась.

— Пойдём. — Аделия протянула мне руку и, дождавшись, когда я всё-таки вложу в неё свою, потянула вверх. — Остальные ждут и наверняка уже решили, что ты либо рыдаешь, либо бросилась на меня с подсвечником.

— Здесь часто бросаются подсвечниками? — Я оглянулась. На столе подсвечника не было, только магический светильник, слишком тяжёлый для удачного броска.

— Только Зара. И всего один раз, — ответила Аделия, открывая дверь. — Лауренн до сих пор хранит вмятину на стене как напоминание о пользе переговоров.

По её лицу я не поняла, шутит она или нет.

Общая комната находилась внизу, за массивной дверью из тёплого дерева. Стены расписали ветвями деревьев, уходящими под потолок, и в дрожащем свете ламп казалось, что листья шевелятся. На полу лежали пёстрые ковры и подушки, у широкого камина полукругом стояли кресла, а низкий стол был завален книгами, нитками и чашками. Там собрались шесть женщин. Кто-то читал, кто-то вышивал, две спорили над игровой доской. Их платья были простыми, но сшитыми по фигуре и из хороших тканей — никаких одинаковых бесцветных рубаш. При нашем появлении разговоры стихли.

Я снова почувствовала себя товаром. Только покупатели на этот раз сидели без камзолов, перстней и кошельков.

Темнокожая женщина с короткими тугими кудрями первой поднялась с ковра. На ней было свободное платье цвета охры, перехваченное широким кожаным поясом, а в ушах покачивались медные кольца. Двигалась она легко, почти лениво, но взгляд тёмных глаз оказался цепким.

— Ну что, пополнение? — спросила она у Аделии, отложила игральную фишку и обошла меня кругом. Остановившись за спиной, двумя пальцами приподняла конец моей косы. — Маленькая.

— Я слышу, — сообщила я и забрала у неё свою косу.

— Уже хорошо. — Женщина вернулась в поле зрения и довольно улыбнулась. — Предыдущая новенькая два дня делала вид, что оглохла. Очень утомительно знакомиться, когда тебя старательно не существует.

— Зара, — предупредила Аделия. Она не повысила голос, но темнокожая женщина всё-таки перестала ходить вокруг меня.

— Что Зара? Я знакомлюсь. — Женщина вытерла ладонь о юбку и протянула её мне. Рукопожатие оказалось тёплым и крепким. — Зара. Если захочешь сбежать, сначала скажи мне. Я покажу места, где охрана ловит быстрее всего.

Я не выдержала и улыбнулась.

— Вот, — удовлетворённо сказала она и отпустила мою руку. — Живая. Аделия, можешь записать это в отчёт.

Остальных представили сразу, и имена смешались в голове. Я запомнила только Мираэль — светловолосую женщину с аккуратной косой, уложенной вокруг головы. На ней было серо-голубое платье с закатанными рукавами; тонкие пальцы хранили следы чернил и уколов иглы. Она ничего не сказала, просто подвинула мне кресло и поставила рядом расписную чашку.

— Лауренн купил её сегодня, — сказала Аделия, занимая кресло у камина. Она произнесла это без торжественности, но несколько женщин всё-таки переглянулись.

— Мы догадались, — отозвалась блондинка у камина и отложила книгу на колени. Медовые локоны рассыпались по зелёному платью. — Обычно девушки к нему не приходят. Тем более босиком.

— Он заплатил вдвое, — зачем-то добавила я и тут же пожалела. Пальцы сами нашли красный след на запястье.

— Хвастаешься или жалуешься? — уточнила Зара. Она села на подушку, подперла щеку кулаком и приготовилась слушать оба варианта.

— Пытаюсь понять, — ответила я. — Пока получается плохо.

— Тогда располагайся. — Зара хлопала ладонью по соседней подушке. — Здесь все этим заняты. Некоторые уже много лет и без заметного успеха.

Женщины рассмеялись, и напряжение немного отпустило. Никто не спрашивал о моём потенциале, зубах или способности рожать. Меня спросили, умею ли я читать, люблю ли сладкое и храплю ли во сне. Последний вопрос оказался важнее первых двух: комната Мираэль находилась за стеной.

— А чай заваривать умеешь? — спросила Зара и придвинула ко мне пузатый медный чайник.

— Умею. — Я взялась за ручку, но чайник оказался тяжелее, чем выглядел.

— Прекрасно. — Зара откинулась на локти с видом человека, только что решившего сложную хозяйственную задачу. — Новенькие заваривают чай.

— Ты это правило только что придумала, — заметила Мираэль. Она поднялась, забрала у меня чайник и легко поставила его обратно.

— Любое правило однажды кто-то придумал, — возразила Зара и невинно расправила юбку.

Я снова потянулась к чайнику, но Мираэль удержала меня за локоть. Её пальцы были прохладными, движение — осторожным.

— Сиди. — Она мягко надавила, возвращая меня в кресло. — Она заставила предыдущую новенькую заваривать чай, и та насыпала соль вместо сахара. Мы до сих пор расплачиваемся.

— Зато теперь банки подписаны, — возразила Зара и указала на шкаф, где каждая жестянка действительно носила огромную бумажную этикетку.

Мираэль сама разлила чай. Без долгих церемоний: закатала рукава серо-голубого платья, бросила в тёмный заварник сухие травы, растёрла между пальцами несколько красных лепестков и залила кипятком. По комнате поплыл запах мяты, дыма и чего-то терпкого, незнакомого.

Чашка грела ладони. Я сделала глоток и поморщилась.

— Горько, — призналась я и посмотрела в чашку, будто там мог спрятаться мёд.

— Зара снова забыла принести мёд, — сказала Мираэль и выразительно посмотрела на медные серьги виновницы.

— Я была занята важными делами, — ответила Зара, поправляя одно из колец.

— Спала, — уточнила блондинка у камина, не поднимая глаз от книги.

— Сон важен для красоты. — Зара вытянула ноги и полюбовалась своими босыми ступнями. — Как видите, я отношусь к обязанностям серьёзно.

Они снова заговорили все разом. Зара требовала признать сон общественно полезным, Мираэль искала мёд, блондинка спорила с обеими и при этом продолжала читать. Потом разговор перескочил на чью-то испорченную вышивку и платье, которое портниха третий раз ушивала не с той стороны. Самые обычные разговоры. Я слушала, держала тёплую чашку и вдруг поняла, что мать сейчас ужинает одна. Наверняка поставила на стол две чашки по привычке и только потом убрала мою.

Слёзы хлынули раньше, чем я успела отвернуться. Я поставила чашку мимо блюда, и Мираэль поймала её в последний момент. Я закрыла лицо ладонями, злясь на себя, а рядом сразу стало тихо: книга легла на стол, игральные фишки перестали стучать, Зара поднялась с ковра. Я плакала по матери, по нашей тесной каморке, которую ненавидела ещё утром, и по себе прежней — той, которая хотя бы знала, чего бояться завтра. Аделия села на подлокотник и положила руку мне на плечо. Мираэль молча подала платок. Никто не говорил, что всё будет хорошо. Наверное, потому что здесь не любили врать без необходимости. Они просто остались рядом, пока я плакала. И впервые за весь день от меня ничего не требовали.